

Жила в Белорусском Полесье...

Игорь МИТЕНКОВ

Накануне празднования 72-й годовщины Великой Победы учредители Королёвской благотворительной организации «Все—Мы» побывали в гостях у Анны Никифоровны Марковой.

Анна Никифоровна родилась в 1933 году в Белоруссии, в маленьком селе Антанова в районе Полесье, что на границе с Польшей. Эта земля одна из первых приняла удар фашистской Германии. Анна Никифоровна любезно согласилась рассказать нам, что помнит о том страшном времени.

— Жизнь в нашем маленьком селе текла неспешно. Жили в большом семейном доме. Я, двое братьев — Владимир и Аркадий, мать Ганна и отец Никифор. На границе с Польшей у многих были польские имена. Сама-то я по паспорту Ядвига, но после войны крестивший меня батюшка сказал: «Отныне будешь именоваться Анной».

Мой дедушка был зажиточный человек, поэтому нужды я не знала. Его все очень любили. Он трудился с рассвета до ночи и при этом не был жадным, всё село его очень уважало. В соседнем доме жили родственники. Жили одной большой семьёй: вместе трудились, вместе отдыхали.

Старшая сестра Нина очень меня любила, носила на руках, но незадолго до войны она умерла, было ей 10 лет. Собирали в огороде огурцы, и она ела их прямо с земли. Когда ей стало плохо, повезли в больницу — 50 километров. Но доехать не успели, Нина умерла в дороге. Дизентерия.

Всем известен подвиг Брестской крепости и тяжёлые бои пограничников. Но Анна Никифоровна запомнила начало войны совсем иначе...

— В селе поднялся шум и крики: «Немцы едут!» Дети выбежали на дорогу и увидели колонны немецкой техники и пехоты. Они никого не трогали и не грабили. Солдаты на ломаном русском говорили: «Мы через 3 дня будем в Москве чай пить».

Они ехали «освободить советский народ от коммунистического режима» и считали, что их примут как освободителей.

Первое время они вели себя мирно, даже голодных детей порой кормили с полевой кухни.

... Их зверства начались потом.

Через какое-то время приехал вооружённый отряд. Ловили молодых людей. Отправляли их на работы: окопы рыть, на кухне помогать и т. д.

Так в плен попал и мой брат Аркаша. Пробыл он в плену почти всю войну. Условия были невыносимые. Людей кормили объедками, а тех, кому становилось плохо, били прикладом. Аркаша сговорился с одним парнем бежать.

Им это удалось, хоть и тяжело было. От погони они оторвались, но домой пришлось возвращаться пешком, десятки километров идти лесами. Стояла поздняя осень, было уже очень холодно, двигались по ночам, питались тем, что на дороге найдут.

А когда они вернулись домой, дома уже и не было. Нашу деревню сожгли.

Произошло это так. Один раз пришёл к нам немец, он торговал махоркой и табаком. Местные партизаны убили его. А когда комендант узнал об этом, то прислал в деревню карательный отряд. Очень много людей убили, прямо на улице. Подожгли всё, сгорела вся деревня — 40 домов.

Женщин и детей согнали в подвал, хотели устроить братскую могилу, гранату кинуть. Все уже начали прощаться друг с другом. Помню, как маму обняла тогда. Но вдруг услышали крик сверху. Подбежал немецкий офицер. Посмотрел и сказал, что дома у него тоже семья и дети, и приказал оставить нас в живых.

В чём были, с тем и бросились бежать в лес. Мама по дороге увидела чудом вырвавшуюся из объятаго огнём сарая, сильно обгоревшую свинью. Она схватила её и забрала с собой. Приютили нас в соседнем селе. Я с мамой, отцом и младшим братом Вовой жили в конюшне. Не было ничего, ни одежды, ни еды. Лишь обгоревшая свинья. Конюшню отец утеплил подручными средствами.

Свинку нашу отобрали почти сразу. Пришли немцы с обыском, брали

брат чудом вернулся из плена. Не могу представить, каково было тогда маме. Потерять мужа, ребёнка, незадолго до этого схоронив ещё одного. А надо было заботиться и о нас...

Помню, как однажды на деревню напали немцы и начали стрелять по мирному населению. Люди падали вокруг, крики, ужас... Прямо рядом со мной лежала раненая девочка лет 8. И ей очень понравилось мое платье... Она умерла у меня на глазах.

В ту же ночь она мне приснилась и попросила мое платье. Но я не знала ни девочку, ни её родителей, кому бы я его отдала? На следующий день у нашей конюшни мама чудным образом встретила её родителей, и я отдала своё единственное платье. Осталась в каких-то тряпках, другой одежды у меня не было.

Жили плохо, школы не было, нужно было ходить 3 километра пешком, а одеть было нечего. Зимой ходили в резиновых сапогах, очень мёрзли. Ели гнилую картошку, собирали очистки по помойкам. Поэтому образование получила только 4 класса. Правда, когда приехала в Москву и начала работать, сказали, что я очень умная, и в документах поставили 7 классов.

Когда наши войска освобождали Белоруссию, стало немного полегче. Правда, смертей меньше не стало. НКВД расстреливал за малейшие признаки предательства. Наши голодные солдаты порой воровали по ночам, то еду, то ещё что-нибудь.

После войны поехала в Москву на заработки. Из колхоза не отпускали, людей и так не хватало, а восстанавливать его надо было. Председатель обманом увёл единственную хромую козу, и справку в Москву выдавать не хотел.

А его жена была учительницей, очень хорошая женщина. И пока он спал, укра-

ла у него печать и сделала мне справку. Вот так я оказалась в Москве.

Была домработницей у учительницы. Потом устроилась на ткацкую фабрику им. Тельмана. Жила в общежитии, до работы добиралась 4 часа в один конец. Почти сразу сделали бригадиром. Я боялась. Не хотела. Но мне сказали, что я справлюсь.

И я справилась. Работала на трёх работах сразу, себя не жалела. После голода и войны никак не могла остановиться, когда появилась возможность улучшить свою жизнь. Позже 20 лет отработала в котельной.

Братья мои прожили после войны недолго, все умерли. А вот мама жила до 75 лет. Я приезжала к ней каждый год на один месяц. Привозила её к себе, когда сама уже обосновалась, получила квартиру в Королёве. Предлагала ей остаться. Но она всю жизнь прожила в деревне, была очень набожная, добрейшей души человек, со своей скотиной, как с родными, разговоривала. В Москве она потерялась, чувствовала себя чужой и попросилась обратно.

В молодости я могла стать певицей, меня ведь приняли в училище и прочили большое будущее. Но война, голод, смерть близких разрушили мои планы, а потом работала, как вол, освоила пять специальностей.

В Москве, конечно, жизнь наладилась. Был золотой муж, сын и дочка, слава Богу, они до сих пор рядом, внуки и правнуки уже есть. Хочется пожить ещё, чтобы их понянчить.

А войну вспоминать страшно, слишком много было смерти вокруг, а я ведь ещё ребёнком была. Всю свою жизнь, как бы мне ни было тяжело, я всегда молилась Богу только об одно, чтобы больше не было войны...

Анна Никифоровна Маркова и Игорь Митенков.

всё, что понравится, не чурались ничем. Один услышал нашу свинку, положил автомат и побежал за ней. Она была нашим единственным шансом выжить. Мама в отчаянии сказала: сейчас застрелю его. Но я её отговорила. Нас же тогда всех убьют, говорила я, и она сдержалась. Дочь зажиточного человека, грязная, с голодными детьми на руках — она была в отчаянии.

А ещё мама была беременной. Вскоре родилась моя сестра Варя. Есть было нечего, ходили в лохмотьях, лекарств тоже не было. Качали её в кормовом корыте... Она почти сразу умерла, почему — не помню.

Вскоре в плен увели и отца в город Березняки, там на каторжных работах он и умер.

Вот так вот, к началу войны я уже потеряла дом, отца, двух сестёр, а мой

Солдатские письма

Надежда КАЛИНИНА

*Солдатские письма,
бесценные строчки,
с годами всё крепче,
нежней берегу
и помню до буквы,
до маленькой точки
их, порохов, кровью
пропахших в бою.*

*В них дым и пожары
руин Сталинграда,
туманы днепровские
где-то вдали,*

*кавказских хребтов
снеговые громады
и ветры солёные
Крымской земли.*

*Солдатские письма
с гвардейским приветом
(в простых
треугольниках были они)
согрели надеждой
и верой в Победу
в смертельно опасные,
трудные дни.*

*Бумага истлела,
по краю всё рвётся,
заветные выцветели,
стерлись слова,
но сердце, коснувшись
их, молодо бьётся,
хоть стала седею
давно голова.*

*Солдатские письма
писались когда-то,
сегодня — реликвии
грозной поры,
победное эхо
геройства Солдата
Великой, народной,
священной войны.*